

Георгий Катюк

0+

Не так древен Рим, как его
малюют

Георгий Катюк

**Не так древен Рим,
как его малюют**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Катюк Г. П.

Не так древен Рим, как его малюют / Г. П. Катюк — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Считается, что современный Запад – наследник Римской империи и к нему перешло право вершить судьбы народов. Автор доказывает, что это – подлог. Между Западом и Римом нет преемственности. Западная Римская империя, якобы отпочковавшаяся от Древнего Рима, изобретена с целью подчеркнуть исключительность западноевропейской цивилизации. С этой же целью создан миф о том, что современный Рим был столицей Рима Древнего. На обложке представлена картина Джованни Паоло Панини из серии "Древний Рим" (XVIII век). Репродукция находится в общественном достоянии, доступна к просмотру и копированию.

Содержание

Вступление	5
1. Правдивая история арбалета	8
2. История христианства: вырванные еврейские страницы	12
3. Папство и его тысячелетний сизифов труд	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Вступление

«История одного заблуждения» – так планировалось назвать эту книгу. Целью было представить так называемую «Западную Римскую империю» творением нерадивых историков, ошибочно принявших соответствующую часть Византии за самостоятельное образование.¹ Дело в том, что именно история Западного Рима при ближайшем рассмотрении вскрывает всю иллюзорность претензий современного Запада на наследие Древнего Рима.

Однако, поразмыслив, решил название пересмотреть. Заблуждения на самом деле не было. Да и историки тут не при чем, если говорить о той их части, которая представляет чистую науку. Единственное, в чем их можно упрекнуть, так это в некритичном и даже трепетном отношении к выдумке, бездумно тиражируемой столетиями. Я не оговорился: именно выдумкой, мифом, было то, о чем идет речь. А творцами этого мифа были политтехнологи от истории, сознательно искажившие истину в угоду политическим интересам.

Эти соображения и легли в основу окончательного варианта названия.

Да, есть все основания считать, что имел место умысел, а не ошибка. Умысел, призванный «состарить» осколок Византийской империи, образовавшийся на западе последней в результате ее распада в 1204 году. Надо было сделать детище древнее материнского лона и с помощью громкого названия представить его прямым наследником Древнего Рима со столицей, естественно, в Италии.

Так был заложен фундамент европоцентризма, т.е. понимания мировой цивилизации, как производной от западного сообщества и его ценностей. Византия, уничижительно названная «Восточной Римской империей», оказывалась при таком подходе на обочине цивилизационных процессов, что на долгие века вперед определило пренебрежительное и даже враждебное отношение к ее порождениям – России, Турции и вообще к Востоку. Многие даже удивляются, услышав, что Византия – это Римская империя, настолько сжато и осторожно это преподносится в исторической литературе. А если назвать Россию с Турцией правопреемницами Рима, (что абсолютно очевидно, если вдуматься), то даже маститые историки могут впасть в ступор. Задумка, как видно, удалась.

Исследователи приводят такой факт: «В XVII веке турецкий султан разослал письма своим подданным: практически всем руководителям Европы, включая Россию и Португалию (Вести Куранты, 160-1639, М.,1972, с.217). Историки объявили султана психически больным. Разумеется, людям, свято верящим традиционной хронологии, бесполезно объяснять, что возможны и другие толкования: Турция – наследница Византийской (Ромейской, Римской) империи, и султан, отнюдь не теряя разума, вполне мог считать Европу частью той империи, а себя ее владыкой. Другое дело, что в большинстве европейских стран так уже не считали».²

¹ Образование, условно названное «Западной Римской империей», представлено здесь в более широком временном контексте, нежели это принято в официальной историографии. Обычно так называют римское государство в интервале между переносом столицы империи в Константинополь и смещением Ромула Августула Одоакром в 476 году. Я же включаю в это понятие и папский Рим эпохи королей, и империю Каролингов («империю Запада») и даже «Священную Римскую империю» до поглощения Византии османами в 1453 году. Дело в том, что во все эти периоды Западная Европа была щедро наделена историками чертами империи, причем, не какой-нибудь, а Римской. Даже в интервале между смещением Ромула Августула и образованием франкской «империи Запада», находясь в номинальной зависимости от Византии и германских королей, папы под пером ушедших историков выглядят как полновластные хозяева Европы, практически самодержцы, пытающиеся навязывать свое мнение самому Константинополю. Убеждение в самостоятельности и, более того, в имперских полномочиях папства того времени оказалось настолько стойким, что его не смогло поколебать даже разоблачение итальянским гуманистом Лоренцо Валлой аферы с грамотой «Константинова дара», призванной придать законные основания папским притязаниям на власть и территории.

² Калужный Д.В., Жабинский А.М. Другая история войн. – М.: «Вече», 2003. С.103.

Вы спросите, как могло так случиться, что в историографию не просочились правдивые сведения обо всем этом? Ведь сфальсифицировать все мировые источники разом – задача не из легких. Да, но ведь средоточием этих источников, очагом мировой культуры и знаний, была столица Византии, а она была подвергнута разорению в ходе крестовых походов. Вот и постигла источники незавидная участь. Можно быть уверенным, что та часть их, которая не погибла в огне пожаров, была подвергнута основательной ревизии. Историю ведь пишут победители, не так ли? Как следствие, мы имеем на руках лишь их средневековые копии, в аутентичность которых можно лишь верить, ибо известно, где и кем они производились.

Был ли тот умысел злым? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Понятно, что не от хорошей жизни возникают центробежные силы, одним из проявлений которых стало крестовое движение. Конечно, разрушить то, что является средоточием зла и насилия – благое дело, а Византия, как все империи, не слишком высоко ценила права и свободы человека и по праву могла считаться тоталитарным образованием. Наверное, и провозгласить демократические ценности первоосновой человеческого существования не так уж плохо.

Плохо лгать во имя этих самых ценностей и ложью, а иногда и силой, продвигать их туда, где для их восприятия еще не появились условия. Плохо также, разрушив империю, тут же строить по ее образцу новую, чем и занимаются сейчас потомки средневековых «демократизаторов», выстраивая «новый мировой порядок». И не в последнюю очередь эта деятельность базируется на иллюзии их происхождения от «древних римлян», извечно несущих свет свободы поработанному и темному Востоку.

Справедливости ради следует отметить, что проблески здравого смысла в решении вопроса о преемственности иногда все же прослеживаются. Вот, например, как трактуется в Википедии прародина современных «римлян»: «Западная Римская империя (лат. Imperium Romanum Occidentale) – название западной, преимущественно романоязычной, части Римской империи в конце (или середине) IV – конце V вв. Другая часть, преимущественно грекоязычная, получила название Восточной Римской империи или Византийской империи. В историографии Западная Римская империя – это совокупность западных провинций единой Римской империи в какой-либо период управлявшихся отдельной независимой имперской администрацией, равновеликой или номинально подчинённой имперской администрации, управлявшей восточными провинциями.

И «Западная Римская империя», и «Восточная Римская империя» – это исторические термины нового времени, принятые учёными для описания де-факто разных территорий. Дело в том, что они не являлись самостоятельными государствами и не воспринимались таковыми жителями Римской империи. Существование двух центров власти воспринималось как административная необходимость в слишком просторном государстве, аналогично, к примеру, отношениям внутри колониальных держав».

Вот как будто пример трезвого подхода. Римская империя по мнению автора заметки была единой, а «Западная Римская империя» – это всего лишь западная часть этого огромного образования, управлявшаяся отдельной администрацией, т.е. что-то вроде губернии в переводе на русский язык. Получается, преемственность между современными европейцами и древними римлянами есть, но лишь через посредство римской окраины или глубинки. Автор как будто приносит извинения за перекося своих чересчур рьяных собратьев по перу.

Однако, напрашивающийся здесь вывод о варварском происхождении современных европейцев – ведь именно варвары были населением этих окраин – не дает автору покоя. Это, а также второстепенность роли римской глубинки, подвигает его к попыткам преувеличить самостоятельность и значение Запада в Империи. Итогом стало положение о существовании двух центров власти, управлявшихся, по мнению автора, независимыми администрациями. Мало того, что это положение зачеркивает смысл предыдущей фразы, так еще и наводит на

мысль о конфедеративном устройстве, служа, таким образом, оправданием шагов Запада по отделению от имперского центра.

А еще оно порождает соблазн уверовать в главенствующую роль западной администрации, которая, оказывается, не только «номинально подчинена имперской администрации, управлявшей восточными провинциями», но и «равновелика» ей.

Как можно быть одновременно «подчиненным» и «равновеликим», автор, конечно, не указывает. Нет ответа и на вопрос, почему раньше не возникла необходимость в двух центрах власти. Или тогда «Римская империя» не была «слишком пространной»?

Подхватывают традицию разглагольствования о «двух Римах» и другие исследователи, притом, достаточно серьезные: «На Востоке сохранилась Империя, на Западе она пала уже в 476 г. под натиском варваров. Поэтому на Востоке пришли к идее имперской Церкви под руководством императора. На Западе, напротив, развилась папская Церковь, независимая от государственной власти».³

То есть, ни о каком единстве речь уже не идет. Запад и Восток представляют две различные империи. Да и то, что образовалось на месте «Западной Римской империи» после 476 года, ни в коей мере не подчинено Константинополю. Разве что формально, на чем, впрочем, историки традиционной ориентации стараются не заострять внимания. Остается только объявить Рим на Тибре подлинным, «первым», Римом, и Константинополь превратится в варварскую периферию «цивилизованного» мира. Римлянами при таком подходе становятся представители Запада, Восток же превращается в эдакое досадное недоразумение на их пути к светлому будущему. Отсюда совсем недалеко до утверждения, что его надо всеми способами «интегрировать», т.е. переводить на западные рельсы – утверждения, ставшего навязчивой идеей как исторических, так и современных крестоносцев.

Хотелось бы внести посильную лепту в дело избавления «прогрессивной части человечества» от этих иллюзий. Думаю, это пойдет ей на пользу, поскольку, будучи рабыней извращенного представления о своей роли в истории цивилизации, она сама натерпелась из-за этого с избытком.

³ Вильгельм де Фрис. Православие и католичество: противоположность или взаимодополнение?

1. Правдивая история арбалета

Порвалась дней связующая нить.
Как мне обрывки их соединить?
Шекспир. «Гамлет».
(перевод Б.Пастернака).

Вряд ли кто-то будет возражать против того, что варварами, неоднократно разорявшими Рим, были как раз европейцы, а не пришельцы с Востока, в которых привык видеть угрозу современный западный мир. Ведь кем, как не европейцами, были все эти «галлы» с «готами», «вандалами» и «норманнами», а говоря по-современному – французы с немцами, неоднократно разрушавшие и грабившие Рим? Если же представить, что данные о захватах Рима могут относиться в том числе и к Риму на Босфоре, называвшемуся Константинополем, то в представлениях о варварах и цивилизации Запад и Восток и вовсе поменяются местами.

Сведений о восточной принадлежности центра цивилизации, коим являлся Рим, в летописях более чем достаточно. «Рим» на самом деле есть присвоенное Западной Европой наименование.

Собственно, и само название «Европа» было позаимствовано у Востока, причем, не самым благородным способом. Думается, миф о похищении финикийской царевны Европы Зевсом-быком не на пустом месте основан. Похоже, что он в форме иносказания отразил реалии все того же IV крестового похода, в результате которого богатства Империи, ее культура и, как выясняется, история, попали на Запад. И здесь слишком доверяться тому, что миф этот считается «античным», т.е. сочиненным задолго до упомянутого похода. «Считаться» и «являться» – не одно и то же.

Что же касается реалий этого похода, то лучше всего их иллюстрирует сон, приснившийся красавице Европе незадолго до ее похищения. Будто бы с взрастившей и вскормившей Европу Азией заспорила некая заморская чужестранка, которая утверждала, что Европа будет подарена ей самим Зевсом и к ней перейдет ее имя. Так и случилось. Понятно, что под маской заморской чужестранки в мифе выступает именно Запад, т.к. именно туда направил Зевс свой путь.⁴

Собственно, историки и не возражают против того, что зачатки цивилизованности зародились на Востоке. Древнейшим очагом цивилизации считается Месопотамия – долина между реками Евфрат и Тигр, включающая территорию современного Ирака, и, частично, земли Сирии, Турции и Ирана. Здесь в III тысячелетии до н.э. появились земледелие и скотоводство, были возведены первые ирригационные сооружения для искусственного орошения полей. Здесь (поначалу в рамках жреческой касты) зародились наука, культура и письменность, появилось понятие о едином боге. В разные времена эта территория принадлежала, как сказывают, различным государствам – Шумеру, Аккаду, Вавилону и Ассирии.

И в-общем верно, что эстафета цивилизованности от этих держав перешла к Древнему Риму. Только под «Древним Римом» следует понимать вовсе не то, что под этим традиционно понимается. Рим латинов, умбров и тусков со столицей на побережье Тирренского моря, считающийся непосредственным предком «Западной Римской империи», принял эту эстафету не так рано, как это преподносится. И не напрямую, а через посредство Византии, которая и была прямой наследницей цивилизаций Передней Азии.

⁴ Катюк Г. Запад и Русь: истоки противостояния. – М.: Алгоритм, 2016. С.236-237.

Подчеркиваю: именно Византия была подлинным Древним Римом, включавшим в себя, естественно, и северное побережье Средиземного моря с Италией. Рима же в современном его понимании со столицей в городе, который сейчас носит это название, тогда просто не существовало.

Что же касается захватов какого-то Рима вандалами Гейзериха, готами Алариха, Одоакра и Теодориха в начале Средневековья, а еще раньше – галлами в 390 году до н.э., то на этот вопрос я частично уже ответил. Это может относиться к Константинополю и к его овладению крестоносцами в 1204 году.

Впрочем, это частично относится и к папскому Риму, возникшему несколько позже и также претерпевшему «набеги варваров». Был и еще один «Рим», к которому могут относиться указанные описания. Это Равенна с окрестностями, также служившая какое-то время столицей Империи. Но в любом случае вся эта возня вокруг Рима, связанная с «набегами варваров», не простирается столь глубоко в древность, как это представляется историкам традиционной ориентации, и не относится к Риму на Тибре, как вы скоро увидите.

В целом можно утверждать, что реальную хронологию Рима сильно удлинители за счет фрагментов истории так называемого «Высокого Средневековья» (XI–XIV в.в.). Так была обеспечена легитимность притязаниям поствизантийского, папского Рима на верховенство в христианском мире.⁵ Но из-за «растянутости» хронологии разрушилась причинно-следственная связь между событиями, отчего всемирная история стала выглядеть, как скопище нелепостей.

Преемственность итальянского Рима от цивилизаций Передней Азии, а не от Византии, была выгодна идеологам европоцентризма еще и по той причине, что затушевывала неоднозначную роль Запада в конфликте с Византией. Выгодней ведь выглядеть убийцей негодной сестры, чем матери, пусть даже обладающей деспотичным нравом. Но именно матерью была Византия предавшему и ограбившему ее «апостольскому престолу».

Чтобы понять, что историю мира, искусственно состарили, вовсе не обязательно обращаться к закрытым источникам. Достаточно даже беглого взгляда на нее и сопоставления некоторых лежащих на поверхности фактов.

Вот только один, но весьма показательный, пример из истории оружия. Речь об арбалете и его предке луке. Сравнительный анализ их историй выявляет неприятные для традиционных хронологов вещи. Изобретение и широкое распространение лука и стрел датируют обычно эпохой мезолита и раннего неолита (12 – 4 тыс. лет до н.э.). Раздаются голоса и в пользу более раннего появления сего орудия убийства – еще в эпоху палеолита.

Но уже сам по себе факт отсутствия какого-либо прогресса в истории оружия на протяжении столь длительного времени наводит на размышления. Лук без сколько-нибудь серьезных изменений в конструкции использовался повсеместно вплоть до появления огнестрельного оружия в XV веке, т.е. на протяжении почти тридцати веков! Только представьте себе, простой лук из тиса, аналог первобытного лука, использовали английские лучники в XII веке! (Впрочем, если учесть, что в битве при Гастингсе (1066 г.) англосаксы короля Гарольда и норманны Вильгельма Завоевателя бились друг с другом каменными топорами, то, может, и не стоит этому удивляться.)

Справедливости ради следует отметить, что кое-какие изменения лук со временем все же претерпел. Примерно с XII века получает распространение более сложный составной (композитный) лук, который был несколько мощнее и компактнее простого. Однако, вряд ли это можно считать достаточно серьезным прорывом в будущее. К тому же появление такого лука обусловлено, скорей всего, не этими незначительными преимуществами. Его следует связы-

⁵ Впрочем, эта «легитимность» представляется довольно шаткой даже в рамках официального мнения об итальянском Риме, как о правопреемнике «древнего» Рима. Ведь Константинополь, будучи пристанищем римских императоров, начиная с Константина, приобрел едва ли не больше прав на «древнеримское» наследство.

вать в первую очередь с отсутствием нужных для изготовления простого лука пород дерева – тиса, ясеня, вяза, клена, бамбука. Не везде они, понимаешь, росли.

Ну, хорошо. Может, человечество просто долго вынашивало такой серьезный шаг, как изобретение огнестрельного оружия. Может, для этого ему и потребовался разгон в несколько тысячелетий, после чего соответствующие новшества приобрели нужную прыть и стали мелькать, как в калейдоскопе, что мы сейчас и наблюдаем. Во всяком случае, опровергнуть это невозможно.

Но вот что мешало тому же человечеству додуматься до изобретения арбалета, который конструктивно не намного сложнее лука, но при этом гораздо эффективнее по многим параметрам? Достаточно сказать, что арбалет в некоторых случаях даже превосходил по эффективности первые экземпляры огнестрельного оружия, что позволило ему длительное время использоваться наряду с последним. Только к концу XVI века он был снят с вооружения большинства армий, что не помешало ему еще долго после этого служить в качестве охотничьего оружия.

Сказывают, что арбалет получил широкое распространение примерно в то же время, что и составной лук, т.е. в начале II тысячелетия. Исследователи удивляются тому, что он не вытеснил при этом своего архаического предка. Ведь он обладал по сравнению с ним рядом преимуществ – более высокими дальностью и прицельной дальностью стрельбы. К тому же при его использовании не требовалось специальных навыков и высокой квалификации, чего не скажешь о луке, применение которого требовало длительной подготовки и умений.

На самом деле удивляться надо другому. Понадобилось более десяти тысяч лет (!!!), чтобы додуматься до такой малости, как преобразование лука в арбалет. Не слишком ли затянулось топтание на месте? Ведь в сравнении с изобретением огнестрельного оружия это достаточно нехитрая операция. Надо было просто установить лук на ложу, лишённую первоначально особых излишеств и представлявшую собой простой деревянный брусок с прорезанным в нем направляющим желобом для стрелы (болта) и зацепом для удержания тетивы.

Трудно поверить, что данное новшество можно вынашивать тысячелетиями. Ведь гораздо более серьезные технические прорывы происходят прямо у нас на глазах, буквально в течение одного поколения.

Что же касается вопроса, почему арбалет, невзирая на свои преимущества, не вытеснил из обращения лук, то на него легко найти ответ. Ведь были и недостатки – сложность в изготовлении, приличные вес и стоимость, не такая высокая, как у лука, скорострельность. Они и не позволили полностью вытеснить лук, а лишь сузили сферу его применения. В некоторых регионах, например, на Севере, он использовался вплоть до XX века.

Справедливости ради следует отметить, что изобретение самых первых арбалетов исследователи датируют IV веком до н.э. Сказывают, что произошло это на родине Аристотеля – в Сиракузах. Поговаривают даже, что еще раньше освоили арбалет китайцы – в V веке до н.э. Но все это не устраниет, как могло бы показаться, вопросы, а, напротив, порождает их. Да, эти даты несколько сближают появление первых арбалетов с изобретением лука. Но можно ли поверить в наличие такого огромного разрыва (1400 лет) между изобретением такой нужной в хозяйстве вещи и ее массовым применением? И потом, шесть веков между изобретениями лука и арбалета – такое также трудно себе представить.

Думается, что историкам просто не пришло в голову, что указанные разрывы надо заполнить чем-то вроде вставок из Средневековья, описывающих использование арбалета – тех самых вставок, которыми, кстати говоря, являлись сюжеты об изобретении арбалета в Древней Греции и Китае.

Вероятно, разрывы эти в силу привычки слепо доверяют авторитетному мнению показались им вполне естественными. Думаю все же, что в таких вопросах здравый смысл предпочтительней авторитетного мнения. Ведь совершенно очевидно, что изобретен арбалет был как

раз тогда, когда и получил распространение, т.е. в так называемое «Высокое Средневековье». Несколько раньше, может быть, за два-три века до этого, был изобретен лук и, стало быть, «каменный век», которым традиционно датируют время его появления на исторической сцене, непосредственно предшествовал этому самому «Высокому Средневековью».

Это, кстати, объясняет и «удивительный» факт использования каменных топоров в битве при Гастингсе.

2. История христианства: вырванные еврейские страницы

Афина была могущественной богиней. Она родилась из головы отца своего Зевса, верховного бога. Афина – порождение не плоти и крови, но блестящей мысли, и потому сама блистательно прекрасна и достойна преклонения.

Такой видятся мне и церковная история первого тысячелетия, и большая часть классической литературы: созданные умными головами, занимательные и впечатляющие, достойные восхищения и эффектные. Уве Топпер. «Великий обман. Выдуманная история Европы».

Уже этот простой пример расшатывает пьедестал под представлениями о том, что наши знания об истории человеческой цивилизации простираются глубоко в древность. Но есть вещи, которые могут вообще свести эти представления на нет. Имеются в виду вопиющие противоречия в истории «Западной Римской империи», указывающие на то, что последняя была бесцеремонно «срисована» с истории Византийской империи образца XI-XIII в.в. Выясняется, что спецоперация эта была проведена в рамках антиимперского сепаратистского движения, получившего название «крестовых походов». «Древность» «Западной Римской империи», обеспеченная многократной экстраполяцией в прошлое событий данной эпохи, послужила идеологическим подспорьем для атак на *alma mater* и, соответственно, для легитимизации папских притязаний на лидерство в христианском мире.

Выявляется все это в ходе сопоставления событий эпохи крестовых походов с более древними сюжетами, что было сделано мною в прошлой книге.⁶ Выяснилось, что отражением перипетий IV крестового похода явилась даже такая архаика, как «вавилонское пленение евреев».

Это еще не все. Сюжеты, сопутствующие этому походу, обнаружили и в будущем. Я имею в виду «авиньонское пленение пап» и процесс тамплиеров, ознаменовавшие собой появление обновленного папства и обновленного ордена тамплиеров – того самого, в «еретичность» которого нам так не хочется верить. Что же касается «авиньонского пленения», то выяснилось, что как раз ему была обязана своим происхождением легенда о «вавилонском плене».

Еще раз об этом в сжатом виде.

В результате сопоставления указанных копий вскрылась тщательно скрываемая связь между первоначальным папством и еврейством, переживавшим именно в ту пору (и никак не раньше) кризис своего могущества. Выявились и истинные цели крестовых походов. На самом деле ни о какой «защите христианских святынь» в том смысле, в каком нам это преподносится, не было и речи. Цель, которая преследовалась, была гораздо более прозаичной и подходящей для изобилующего разбоем и предательствами исторического контекста того времени. Это потом завоеванию придали характер помощи «братскому, христианскому» народу. На самом деле Константинополь должен был передать свое священство (а с ним и имущество, «золотой запас», если можно так выразиться) нарождающейся западной цивилизации, первенство в которой принадлежало тогда французскому королю.

⁶ Катюк Г. Запад и Русь: истоки противостояния. – М.: Алгоритм, 2016.

Было ли папство заводилой в этом мероприятии – сказать трудно. Но то, что оно выступило в роли ренегатствующего «подельника» французской монархии, сомнению не подлежит. Ренегатствующего – это потому, что ему пришлось поступиться принципами и добиться расхождения своей религии с религией Империи, т.е. Византии, верным вассалом и частью которой оно до этого времени являлось.

Так современные сепаратисты стремятся любыми путями создать «национальные особенности» там, где их на самом деле нет. В ход идет любая зацепка – от выпячивания языкового своеобразия до перевода стрелок на часах, чтобы даже в этом ничтожном аспекте исключить общность с ненавистным «Старшим Братом».

В данном случае мы имеем дело с выпячиванием конфессионального своеобразия.

Обнаруженная связь между папством и еврейством, позволяет утверждать, что религией Империи, выступавшей тогда в роли этого самого «Старшего Брата», и, следовательно, также связанной с еврейством, был иудаизм. Это не покажется невероятным, если допустить, что иудаизм тот лишь отдаленно напоминал современную версию этого учения с ее Талмудом и мидрашами, строясь на почитании одной только Торы или Пятикнижия Моисеева. Древняя его версия на самом деле обнаруживала более родства с древней формой христианства, построенной исключительно на почитании Ветхого Завета, т.е. той же Торы по существу, только распространяемой на латинском и греческом языках. Даже традиционная историография признает, что евангелия появились позже официальной даты рождения христианства, а ведь именно они явились отличительным знаком новой религии.

Если же добавить к этому, что иудаизм того времени был еще и облечен в мессианскую форму, т.е. снабжен практически христианской идеей Спасителя, или «помазанника Божьего» (на иврите «Машиах», по-гречески «Христос»), то различия и вовсе покажутся ничтожными. То есть, был период в истории, когда вместо трех, как будто не связанных между собой, религий – христианства, иудаизма и ислама – на земле господствовала одна монотеистическая вера, в рамках которой первоначально и развивались эти три течения. Можно сказать, вера эта была «колыбелью» указанных религий, не случайно названных потом «авраамическими».

В эту веру, – я бы назвал ее «отчей» или даже «старой» верой в т.ч. и из-за ее поразительного сходства с одноименным феноменом российской истории, – потребовалось однажды вдохнуть новую жизнь с тем, чтобы на фундаменте новой религии воздвигнуть новую церковь – церковь ап. Петра, имя которого в переводе с греческого и означает «камень», т.е. фундамент. Возглавив эту церковь, или, как ее потом стали громко называть, «апостольский престол», можно было выйти из-под опеки Византии, закосневшей в привязанности к «отчей» вере, или даже стать единоличным «викарием Христа», т.е. наместником Сына Божьего на земле.⁷

Стремление монополизировать духовную сферу, подогреваемое антиимперскими амбициями французского короля, и было настоящей причиной атак на Византию, получивших удивительно точное (если иметь в виду практически нулевую степень христианизации Империи того времени) название «крестовых походов».

Грубо говоря, иудействующую Византию предполагалось крестить. «Грубо говоря» здесь означает лишь то, что древний иудаизм, как я уже отметил, обладал зачатками христианства, т.е. был по сути протохристианством. Судя по следующему фрагменту, в перечень этих зачатков кроме идеи Спасителя (Машиаха) входило даже крещение, смысл которого, правда, несколько отличался от смысла крещения христианского: «По мнению ряда исследователей, крест был как раз тем знаком, который должны были израильтяне по приказанию Яхве нарисовать кровью агнца на дверях жилищ, чтобы ангел смерти миновал иудеев. Крест, согласно Исайе (LXVI, 19) и Иезекиилю (IX, 4, 5), служит знаком, отличающим благочестивых израиль-

⁷ *Vicarius filii dei* (лат. наместник Сына Божьего) – надпись на папской тиаре.

тян от остальной массы людей, которых Яхве собирался истребить. Когда амалекитяне начали одолевать израильтян, Моисей держал при помощи Аарона и Ора руки свои простертыми ввысь в виде мистического креста, что и дало израильтянам победу над врагом: «И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль: а когда опускал руки свои, одолевал Амалек. Но руки Моисеевы отяжелели: и тогда взяли камень и подложили под него, и он сел на нем. Аарон же и Ор поддерживали руки его, один с одной, другой с другой стороны. И были руки его подняты до захождения солнца» (Исход, XVII, 11, 12)».⁸

То есть, в древнем Израиле крест был известен, играя, очевидно, роль показателя «избранности», а, поэтому, процедура крещения Византии, средневековому аналогу Израиля, была знакома не понаслышке. Поэтому, если уж быть абсолютно точным, речь могла идти лишь о перекрещивании. Перекрещивании в «новое», «самое христианское» из всех христианство – католицизм.

Слишком радикальных шагов в деле построения новой веры и навязывания ее Империи народ просто не понял бы и наверняка поднял ее творцов на вилы, поэтому, устои не тронули. Сделали так, что даже никто из современных продвинутых исследователей не возьмет в толк, в чем суть различий, не говоря уже о неграмотных крестьянах того времени. Две религии так переплелись в результате, что, например, катар, приверженцев этого древнейшего учения на европейском Юге, некоторые называют еретиками, а другие с пеной у рта доказывают, что они как раз и были подлинными христианами. То же и с тамплиерами, осужденными и казненными по обвинению в ереси, аналогичной катарской, – обвинению, которое многими считается сфабрикованным.

Что же было сделано, чтобы породить столь нужные папству различия? Маленькая вставочка: мессией, т.е. Христом, провозгласили реального человека по имени Иисус, сына плотника Иосифа. Соединили в одном лице божественное и земное.

Этим актом рационализм древних был поколеблен. Сменивший его иррационализм, несмотря на всю свою оторванность от реалий, пришелся нарождающейся жреческой верхушке Запада явно по вкусу. И не только потому, что стал идеологическим подспорьем ее сепаратистских устремлений. Он не был понятен массам, а, следовательно, оправдывал само ее существование в качестве толкователей учения – учителей или «пастырей».

В конечном счете оправдание это обернулось раздутым штатом служителей божьих. Церковь Запада быстро превратилась в объект постоянного недовольства не только со стороны низов, но и со стороны светской аристократии, которую не устраивало растущее вмешательство пастырей в светскую жизнь, попытки управлять ею.

Доктрина совмещения в одном лице земного человека и небожителя стала, помимо всего прочего, источником постоянных бессмысленных споров о природе Христа. В глазах древних законников Иисус оставался всего лишь земным человеком, в лучшем случае пророком. Небожителем же считался Христос, пришествие которого еще только ожидалось. Попытки придать смысл их объединению в одном лице заведомо были обречены на неудачу, поскольку имели целью соединить несоединимое. Иррациональное не подлежит логическому осмыслению, что четко отразил Тертуллиан в выражении «Верую, ибо абсурдно».

С Христом в облике Иисуса оказалось разобраться на порядок труднее, чем просто с Иисусом. Христос непознаваем и невыразим, как проявление божественного. Иисуса же, как реального человека, вполне можно изобразить на иконе. Отсюда ожесточенный спор иконоборцев с иконопочитателями.

Христос, как проявление божественного, имеет одну, божественную природу. Иисус же, как земное или «тварное» существо, может быть в лучшем случае пророком. Отсюда нескончаемый спор католиков с арианами и монофизитами.

⁸ Смирнова И.М. Тайная история креста. – М.: Эксмо, 2007. С.18-19.

Впрочем, все эти разногласия и споры обрели законченные формы, вылившись в известные догмы, лишь с падением твердыни «отчей» веры – Константинополя. Считается, что падению «столицы мира» предшествовала тысячелетняя грызня между апологетами западной и восточной ветвей христианства, в которой папство если и не одерживало верх, то уж точно представляло вполне самостоятельным субъектом. (К слову сказать, историки ничтоже сумняшеся настаивают на том, что грызня эта к самому падению столицы, происшедшему как-бы случайно, не имеет никакого отношения. Даже Великий Раскол 1054 года, когда папство и патриархат обменялись анафемами друг другу, не считают прологом к крестовым походам и захвату Константинополя в 1204 году. Поразительная слепота!)

На самом деле есть множество причин, чтобы считать римских пап иудействующими и провизантийскими чуть не до самого падения византийской столицы. Очевидно также, что именно это падение стало катализатором смены приоритетов в Империи в пользу папства, обозначив собой и подлинную дату рождения новой религии – христианства. То есть речь не о победе одной из ветвей христианства над другой, а о еврействе, разродившимся христианством в результате кризиса своего могущества.

Даже официальные источники пусть с неохотой и как бы вскользь, но признают, что единство христианского (на самом деле – протохристианского) мира было впервые нарушено в результате обмена анафемами в 1054 году по поводу филиокве и полностью кануло в Лету с образованием Латинской империи, что явилось по сути результатом крестовых походов. Тогда же и никак не раньше был утерян и примат восточной (имперской) церкви над западной, что стало результатом захвата столицы Империи. Все это автоматически отправляет нас к ситуации I века, когда на смену протоиудаизму робкими шагами пришло раннее христианство с ранним папством во главе. Именно эта ситуация является характерной для начала II тысячелетия, а, стало быть, ею оно и ознаменовалось на самом деле.

В рамках данного понимания какое-то серьезное противодействие со стороны папства имперскому мировоззрению (старой вере) невозможно себе представить. Даже само название «папа» имеет греческие (papas), а не латинские корни, что ясно показывает, кому институт папства обязан своим существованием и почему, собственно, «робкими» были его первые шаги.

Да что там название! Общеизвестно, что первые папы были греками – ставленниками Империи. Греческими они были аж до VIII века, что вступает в явное противоречие с другой официальной точкой зрения о самостоятельности папства в предшествующие этой дате века. Последним греческим папой считается калабриец Захария (папа с 741 по 752 год), который, судя по официальной легенде, дал отмашку на устранение последнего Меровинга – Хильдерика III. Тем самым был запущен процесс воцарения Пипинидов на франкском престоле, кульминацией которого стало коронование Карла Великого императорской короной и обретение папством вождя независимости.

Впрочем, это только частичное подтверждение высказанной здесь точки зрения. Далее я покажу, что этот самый Карл не так уж древен, как его малюют, что автоматически омолаживает и указанного папу вместе с институтом именно латинского папства.

Но если верховенство папства в христианском мире невозможно установить вплоть до самых крестовых походов, то появляется повод задуматься о происхождении «фактов» этого верховенства. Я не склонен считать их выдумками. К чему выдумывать, если можно просто скопировать? Не вызывает сомнения, что речь идет о дубликатах событий, связанных с падением Константинополя в 1204 году и образованием Латинской империи. Это, кстати, придает новое звучание выражению «темные века», которым историки нарекли первое тысячелетие, якобы, из-за недостаточного количества освещающих его письменных источников.

3. Папство и его тысячелетний сизифов труд

Одним из актов, ознаменовавших утверждение единоличной власти пап на западе Империи и появление христианства в качестве официальной религии Запада, был печально известный «Константинов дар» – дарственная грамота Константина I (272-337), будто бы предоставившая римскому папе Сильвестру еще в начале IV века права на «Западную Римскую империю».

Уже вышеприведенные рассуждения позволяют усомниться в подлинности сего документа. Ведь он датирован временами, когда о папах еще не было ни слуху, ни духу. И действительно, документ оказался выдумкой средневекового происхождения, что было установлено в эпоху Возрождения итальянским гуманистом Лоренцо Валлой. Целью фальсификации было придание законности акту захвата папами власти в Империи и возникновению папского государства в Италии – средневековом событии, запечатленным в прошлом в том числе и в виде так называемого «Пипинова дара». Считается, что с помощью подложной грамоты папство хотело придать видимость «возвращения» себе того, что ему якобы принадлежало по праву. Речь идет о западных провинциях Империи, захваченных и переданных ему франкским королем Пипином в результате победы над лангобардами.

На самом деле событие это явилось итогом все того же IV крестового похода, завершившегося переходом Константинополя под власть латинян. Понятно, что именно тогда, или даже позже, был состряпан документ. Ведь своим возвышением папство обязано именно этому событию. До этого оно пребывало всецело в орбите византийского влияния и, следовательно, ни о какой его исключительности и самодостаточности не может быть и речи.

Отчасти это признается даже традиционной историей, датирующей сей документ не IV-м, а VIII-м веком.

Утверждается, что свои претензии на исключительность, папство демонстрировало в самом начале своего тернистого пути к умам и сердцам прихожан. Еще при папе Каликсте I, правление которого относят к началу III века, получила распространение легенда, на которой покоятся в том числе и бытующие ныне представления о примате папства в христианском мире – легенда об основании римской общины христиан самим апостолом Петром. Якобы здесь, в Риме, Петр получил ключи от «царства небесного» и заложил церковь Христову, что было воссоздано итальянским художником Пьетро Перуджино (1446-1524) в весьма любопытной с точки зрения совмещения двух эпох картине (Рис. 1).

По преданию Ватиканский холм стал и местом упокоения апостола, принявшего мученическую смерть в правление Нерона (66 г.) Как считается, Константином Великим на месте могилы Петра была воздвигнута базилика, позже, при папе Юлии II (1443-1513), преобразованная в Собор св. Петра, существующий донныне.

Рисунок 1. Пьетро Перуджино. Вручение ключей апостолу Петру. Фрагмент росписи Сикстинской капеллы (Ватикан). Ок.1482 г. (Репродукция является общественным достоянием). Изобразив на картине себя самого и других деятелей Возрождения (передний план, справа) в компании с античными персонажами, художник придал картине небывалую реалистичность, Скорей всего, это не было художественным приемом. Античность была для него повседневной реальностью.

То обстоятельство, что в Риме будто бы покоятся останки легендарных апостолов (недавно там «обнаружили» и останки ап. Павла) дало папам дополнительную возможность утверждать, что Рим является святейшим местом на Земле. Распространением и популяризацией этой мысли они и занимались на протяжении всей истории папства, как бы забывая о том, что подлинной столицей Империи, т.е. по-настоящему святым местом, был все-таки Рим, расположенный на берегах Босфора – Константинополь.

Примеры навязывания папством христианскому миру своих представлений о религии и месте римской епархии среди христианских общин историки обнаруживают вообще на заре христианства. Так, папа Виктор I, правление которого относят на 189-199 г.г., пытался запретить другим христианским общинам празднование Пасхи совместно с евреями, т.е. 14 нисана по еврейскому лунному календарю, настаивая на том, чтобы отмечать ее в первое воскресенье после этой даты. Несогласным же грозил отлучением. Потуги эти, впрочем, успехом не увенчались. Малоазийские общины отказались пойти на этот шаг и еще на протяжении ста лет после этого праздновали Пасху совместно с евреями.

Сейчас это объясняют тем, что на Востоке очень сильны были ветхозаветные традиции. Почему нельзя просто сказать, что общины эти были не христианскими, а протохристианскими, а папа этот был первым раскольников в истории христианства, тогда еще пребывающего в состоянии иудейской секты? Ведь это согласуется и с ранее сделанным выводом о Византии, как о продолжательнице традиций древнего иудаизма.

Подобного мнения придерживаются и другие исследователи. По мнению церковного историка В.В. Болотова, «Пасха Церковью Малоазийских не была праздником новозаветным

в тесном смысле этого слова (по самому установлению), это была христианизированная ветхозаветная Пасха».

Только представьте себе: христиане празднуют Пасху одновременно с евреями, а не, как того требуют евангелия, лишь на третий день после еврейской Пасхи, что и является сутью празднования христианской Пасхи, или Воскресенья Христова!

Собственно говоря, иначе они и не могли поступить. Ведь евангелий в то время еще не было! Где черпать знания? По наиболее распространенному мнению самые ранние ссылки на евангелия относятся именно ко времени папства Виктора I. Сделал их, – причем, называя поименно авторов евангелий, – в своей работе «Обличение и опровержение лжеименного знания (Против ересей)» епископ Лугдуна (Лиона) Иринеи Лионский (130-202). Этот Иринеи, кстати, и был тем самым миротворцем, который уговорил Виктора I не настаивать на своих инициативах в отношении празднования Пасхи в целях сохранения единства христианского, или, если быть точным, протохристианского мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.